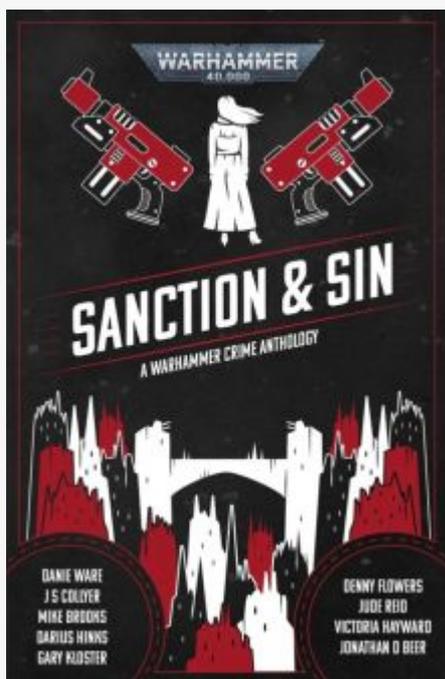

Огненные исповеди / Confessions of Fire (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Огненные исповеди / Confessions of Fire (рассказ)

Автор	Гэри Клостер / Gary Kloster
Переводчик	Brenner
Издательство	Black Library
Входит в сборник	Наказание и прегрешение / Sanction and Sin
Год издания	2021
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Фаддей был мертв. Его убили Ткачи.

Ли́ра двигалась вместе с людьми, а мать крепко сжимала ее тонкую руку. Толпа была чудовищем, монстром с миллионом орущих ртов и бесчисленными глазами, в которых сверкало пламя, и Ли́ра знала – если она упадет, то умрет, раздавленная безразличными ногами, однако это не имело для нее значения.

Ткачи захлестнули шнур на горле ее брата и туго стянули, так что ей хотелось посмотреть, как они сгорят.

- Мне не видно!

Каким-то образом мать услышала ее среди оглушительного рева и подхватила Лиру, усадив себе на плечи. Толпа набилась на площадь перед церковью - приземистым зданием, похожим на чернокаменного зверя, шпиль которого высился в ночном небе, будто рог. Перед горящим зевом открытых церковных дверей оставалось свободное пространство: участок грязного скалобетона, огороженный проволокой и охраной в броне. На этом месте в свете тысячи факелов сверкали ряды стальных рам. С перекладин свисали странные свертки, бившиеся и дергавшиеся предметы, перевязанные шнурами. Люди. Люди, которых с ног до головы обмотали нитками, оставив на виду хватающие воздух, воющие рты. Еще больше ниток было свалено высокими кучами под связанными ногами. На рыхлых грудях блестела пленка разлитого прометия.

- Узрите их! - прогремел над площадью голос, лившийся из сотни громкоговорителей. - Они называют себя Ткачами? Мы называем их еретиками! Они говорят, будто могут читать будущее в танце нитей на автостанках? Говорят, будто, сдвигая нити, могут менять судьбу? Мы говорим: у них нет будущего, и им суждено одно лишь пламя!

- Пламя! - выкрикнула толпа, и тысячи рук вскинули факелы вверх.

- Что ждет еретика? - взревели громкоговорители.

- Пламя! - ответила толпа.

- Что ждет еретика?

- Пламя!

- Что ждет еретика? - громкоговоритель звучал ликующе.

- ПЛАМЯ! - взвыла толпа, и от ее грохочущего голоса задрожали окна. Лира сидела на плечах матери, безмолвствуя посреди этого моря звука, и наблюдала за тем, как полетели факелы. Брошенные руками из толпы, они описывали в воздухе дугу и приземлялись среди связанных фигур и пропитанных горючим груд ниток. Через считанные секунды пламя взметнулось вверх, окутав Ткачей огнем.

По всей площади разнеслось эхо воплей, и толпа ответила ревом. Из громкоговорителей зло выкрикивали молитвы, похожие на проклятия, а пламя ревело, озаряя своим светом фасад церкви. Оторвав глаза от дергающихся тел, почерневших и извивающихся, Лира посмотрела на темную тень здания и увидела Его. Человека на громадном витражном окне, возвышавшемся над площадью. Освещенный бушующим огнем, Он глядел на нее, и в черных облаках дыма сияли Его глаза. Глаза печальные, терпеливые и мудрые, и при взгляде на них вся скорбь, которую Лира пыталась спрятать под замок за яростью, прорвалась наружу, и она зарыдала. Ее крошечное тело затряслось, она запрокинула голову и заголосила, изливая свое горе ночи, дыму и фигуре человека на Золотом Троне, взиравшей на них всех. Пламя догорало, и Его лицо меркло.

Лира Тарн стояла на вершине высокого шпиля церкви, спиной к черной грохочущей стене первого шторма этого сезона, и глядела вниз, на все, что вверил ей Бог-Император.

Черные Водопады были осколком громадного города, клубком факторий и жилых анклавов, выстроенных в крутых холмах, которые нависали над остальной частью Солекамня. Несколько миллионов душ в многомиллиардном городе на одной едва стоящей упоминания планете Империи Людей. Все эти люди, ходившие по мокрым улицам внизу, являлись толикой толики человечества, однако они принадлежали ей.

«Они принадлежат Ему», – укорила себя Лира. Обзор и шторм подталкивали ее к ереси, но подобным заблуждениям было легко сопротивляться, надавив кулаком на бедро, где она носила отметину в виде переплетения шрамов. Острая боль, вызванная прикосновением, служила хорошим напоминанием о смертной брэнности.

Позади, почти неслышно за журчанием дождевой воды, которая лилась из щерящихся горгулий, окружавших башню, раздался скрип петель. *«Галлин»,* – подумала Лира, уловив слабый запах чего-то едкого. Она обернулась, опираясь на трость, и посмотрела на человека. Тот бы выглядел непримечательно, если бы не оспины, которые испещряли бледное лицо, едва видимое в глубинах черного капюшона. Промышленное моющее средство, использовавшееся этим мужчиной, уже сожрало его волосы и принималось за кожу, однако у всех свой путь к чистоте.

– Со мной все в порядке, дедикант. Шторм миновал. – Она напоследок взглянула на раскинувшуюся внизу застройку, задержав глаза на почти пустом пространстве перед ее церковью. *«Что ждет еретика?»* Прошло уже сорок лет, а эти слова до сих пор гремели у нее в ушах. – Мне вполне безопасно подышать воздухом.

«И подумать о прошлом».

– Меня привел сюда не шторм, преподобная матушка, – произнес Галлин тихим извиняющимся голосом.
– В церковь пришли санкционеры. Произошло убийство, и просят вашего присутствия.

Жилой блок располагался сразу за рекой, серые воды которой падали с черных холмов и питали дамбы, приводившие в движение вечно стучащие ткацкие станки обширной текстильной мануфактории Черных Водопадов. Громадное строение было одним из новых жилых блоков, возведенных несколько позже беспорядков и пожаров, которые бушевали в районе сорок лет назад. Граффити на его стенах еще практически не тронули соль и копоть. Обугленный скелет в коконе из нитей возле входа в здание был отчетливым и ярким, равно как и вздымавшееся вокруг него нарисованное пламя. Проходя мимо, Лира хмуро посмотрела на изображение. Она была не единственной в Черных Водопадах, кто помнил день сожжения Ткачей. Однако она не сбилась с шага, невзирая на свою трость, поспевая за санкционерами, которые привели ее сюда.

Она следовала за ними по лабиринту внутренних помещений, пока они, наконец, не добрались до места убийства. Лира почуяла это еще до того, как увидела новых, ожидавших санкционеров – запах дыма и обугленной плоти, который прокатился через ее нос до мозга, грозя наполнить голову воспоминаниями.

«Сегодня мне никуда от этого не деться», – подумала она и задумалась, уже не в первый раз, хорошей ли было идеей возвращаться в этот район, в этот город, на эту планету. Но что сделано, то сделано, и она была тут. Лира впиалась костяшками пальцев в бедро, заставляя обычную тихо пульсирующую боль обостриться так, что захотелось вскрикнуть. Это помогло прогнать воспоминание. *«Нет времени на старую смерть. Я должна разобраться с нынешними страданиями».*

- Это еще кто, черт побери?

Перед санкционерами, в почерневшем дверном проеме, ведущем в одно из жилищ, стоял крупный мужчина. Он носил черный утепленный плащ, одежда под которым была слишком дорогой для рабочего, но слишком неряшливой для одного из правящих семейств. Лира заметила под плащом тяжелый автоматический пистолет, пристегнутый на боку.

- Пробатор Натта? - предположила она, и тот хмуро уставился на нее горящими темными глазами.

- Вы из церкви. - Он яростно воззрился на санкционеров, которые ее привели. Здоровяки вдруг как будто занервничали. - Какого черта вы ее привели?

- Вы сказали, что она нужна жертве, - произнес один из них.

- А я сказал, что она нужна *мне*? - Он сделал шаг навстречу санкционеру, выходя из себя и сверкая глазами, и Лира воспользовалась возможностью, чтобы его обойти. - Эй! - прорычал он. - Это место преступления. Ничего не трогайте!

Лира кивнула, словно послушавшись, и вошла в квартиру.

Там была бойня, которую ранее подожгли. На полу лежало шесть тел, все обугленные до костяка, кроме одного. В дальнем углу, почти нетронутым огнем, лежала женщина. С ее почерневшей кожи на грязный ковер сочились желто-красные капли жидкости, а в тех немногих местах, где не было ожогов, Лира увидела следы от ножа: тонкие порезы, образовывавшие на плоти странные фигуры. Рядом на коленях стоял юноша, одетый так же, как Натта. Он склонился над телом со страдальческим выражением на миловидном лице и шептал: «Она идет, все хорошо, она идет», словно мог утешить покойницу. А потом тело шевельнулось, извернувшись в агонии, и с хрипом ужасно закашлялось.

Лира в один миг пересекла комнату.

- Дочь моя, я здесь.

Из горла, покрытого кровоподтеками и ожогами, донесся сдавленный звук. Женщина повернула к ней свое лицо - глаза были изуродованы, их вырезал тот же клинок, что оставил следы на коже. Однако Лира знала, что та ее слышит.

- Тебе нет нужды говорить. Слушай и услышь Его соборование, врата в Его священное царство. Услышь.

Юноша отошел, намереваясь встать рядом с Наттой, который наблюдал за ней с ничего не выражающим видом, скрестив руки. Лира проигнорировала их обоих и позволила литании литься наружу, благословляя отход души.

Позже, когда она молча сидела около женщины, Натта наконец-то подошел.

- Вы закончили? У меня есть вопросы к свидетельнице.

Лира, завершавшая свои собственные безмолвные молитвы за душу женщины и души всех прочих мертвецов здесь, не ответила.

- Эй! Я сказал...

Ли́ра открыла глаза.

- Я вас слышала, пробатор. Спрашивайте, что пожелаете, но ответа вы не получите.

Она сложила руки женщины поверх ее груди, не обращая внимания на то, как обгоревшая кожа рвалась под пальцами, и медленно поднялась.

Натта посмотрел на неподвижное лицо женщины и выругался.

- Прожила так долго, ожидая вас, а нам ни единого слова.

- Она держалась ради того, что было важно. - Ли́ра вытерла пальцы о свою рясу, глубоко вдохнула и пожалела об этом. Эта маленькая комната была заполнена смрадом обугленной плоти, на фоне которого ощущался какой-то резкий химический запах. Ли́ра не узнавала обгоревшего лица женщины, но в ее пастве было так много людей. Кем бы та ни была, она обладала сильной верой, раз столь долго держалась за жизнь при таких ранах.

- Может, вы и занимаетесь душами. Но тела, особенно убитые - это мое дело, - произнес Натта. Ли́ра слушала его вполуха, перейдя к другим трупам.

Те почернели от огня, однако ближайšie к выжившей женщине выглядели чуть получше. Посмотрев на потолок, Ли́ра увидела огнетушители, встроенные в закопченный скалобетон. Большинство из них было сломано или забилося, но тот, что находился в углу, и впрямь сработал - чудо, спасшее это жилище от полного выгорания.

- Преподобная мать Тарн. Благодарю вас за помощь. - Слова пробатора были обильно подернуты сарказмом. - Мы в вас более не нуждаемся. Можете свободно возвращаться в свою церковь.

Ли́ра рассеянно кивнула, покачивая седеющими черными кудрями.

- Благодарю, пробатор. Но я останусь.

Она опустилась на колени около одного из прочих тел и, игнорируя ворчание пробатора Натты, начала тихо произносить отходные молитвы. Закончив, она потянулась вниз и коснулась трупа, переворачивая его.

- Эй! - рявкнул Натта. - Не трогайте улику.

- Божественное обличие человека, - произнесла Ли́ра. Как она и думала, плоть на спине сохранилась лучше. Здесь было видно больше порезов, кривых линий и сложных знаков, пропоротых на тонкой коже. Их исполнили весьма неплохо, многие напоминали систему символов Экклезиархии, но странным образом извращенную. Другие Ли́ра не смогла опознать, хотя они и выглядели знакомо. Она подняла глаза на почерневшие стены квартиры. В этом неповрежденном углу под тонким слоем сажи просматривались отметины. Снова символы, похожие те, что были вырезаны на коже жертвы, выведенные на стене кровью.

- Тело. Улику. - Натта навис над Ли́рой, сидевшей на коленях на грязном полу. - Это наше дело. Тут нет душ, преподобная матушка, только горелое мясо. Ничто из этого больше не относится к Министоруму.

- О? - проговорила Ли́ра. Позади пробатора она увидела врывающийся в комнату сервочереп, который скрупулезно вел запись встроенными в глазницы пиктерами. - Скажите-ка мне кое-что, пробатор Натта. При других убийствах такие же символы рисовали на стенах или вырезали на «горелом мясе»?

- Откуда вам известно о других? - зарычал он.

Ли́ра оперлась на трость и встала.

- Вы мне только что сказали, - сказала она бодрым и невинным голосом. Похлопала по гладкому изгибу кости пролетавшего мимо сервочерепа, наблюдая за тем, как Натта стиснул зубы. Игра с пробатором в некоторой мере веселила, однако в этих символах не было ничего забавного. Ли́ра повидала слишком много ересей, начинавшихся с едва заметного сдвига ортодоксальных верований и выворачивания атрибутов Имперского культа в нечто ужасное. Поэтому она пристально глядела на Натту, ожидая, когда тот наконец-то даст трещину и ответит на ее вопрос, а он тем временем глядел на нее, явно не желая говорить. Молчаливое противостояние могло продлиться долго, если бы не молодой пробатор.

- Там мы тоже нашли такие символы, - произнес он. Натта сверкнул глазами, но мальчик пожал плечами. - Она из Экклезиархии.

- Ладно. Тебе охота поговорить, ты с ней и разбирайся.

Натта вышел из квартиры. Мальчик вздохнул.

- Пробатор Натта щепетилен в своих расследованиях. Не любит вмешательств. - Речь мальчика была точной, культурной. Бесконечно далекой от неразборчивого акцента нижнего анклава, с которым говорил Натта, и Ли́ре подумалось, что она понимает, откуда берется как минимум часть противоречий между пробатором и его терциусом.

- Ничего страшного... - произнесла Ли́ра, дожидаясь, когда юноша представится.

- Венн, - сказал тот и махнул в направлении тел. - Было по меньшей мере четыре других случая вроде этого. Символы... Обычно они не настолько четкие. Раньше пожары справлялись лучше. Однако они там были.

- По меньшей мере? - переспросила Ли́ра, и Венн пожал плечами.

- Убийства - обычное дело. Такие отметки - нет. - Он посмотрел на нее. - Они для вас что-то значат?

У Ли́ры в голове была целая вечность из воспоминаний о крови, смерти и ереси. Предполагалось, что возвращение сюда, возвращение домой, поможет ей затушить пламя прошлого. Не разжечь его заново.

- Боюсь, что могут, - тихо произнесла она.

Что бы это ни было, ему требовалось положить конец, пока среди обитателей Черных Водопадов не начались разговоры.

Зайдя следующим утром в неф своей церкви, она обнаружила Галлина распростертым перед огромным витражным окном, которое изображало восхождение Бога-Императора на Золотой Трон. В его руках было полно инструментов.

- Люмены снова мигают? - спросила она, а затем махнула рукой, когда дедикант кое-как поднялся на ноги, чтобы поклониться. - Не прерывай свой труд ради этого. Лучше пусть свет появится на Его лице, чем ты станешь гнуть передо мной спину.

Образ на окне был простым, он не обладал величиим столь многих других встречавшихся ей, однако

Ли́ра полюби́ла его с тех пор, как впервые увидела еще девочкой. Впрочем, подсвечивавшие его люмены были ненадежными и раздражали.

- Да, преподобная матушка, - сказал Галлин, сердито глядя на светильники. - Отцу Крейвину всегда хотелось отыскать того работника, который это делал, и высечь его.

«Вероятно, так бы он и поступил». Ее предшественник пользовался мрачной репутацией даже до своего подозрительного исчезновения. Ли́ра оглянулась на исповедальню на другом конце нефа, где уже ожидала вереница кающихся, которую возглавлял мужчина с деформированным лицом и повязкой на глазу. *«Бартия Соу. Он займет самое меньшее двадцать минут».* Черствая мысль, учитывая, сколько страдал этот человек и как казнил себя за то, в чем не был виноват. И все же ей предстояло провести в своей кабинке достаточно долгое время.

- Дедикант, сегодня поутру придет юноша, пробатор-терциус по имени Венн. Пожалуйста, отведи его в мой кабинет и проследи, чтобы он дождался, пока я с ним не поговорю.

- Да, преподобная матушка. - Галлин нахмурился. - Преподобная матушка... - нерешительно произнес он. - Я слышал слухи. Люди шепчутся, насчет тех убийств, куда вас звали санкционеры. Люди говорят, что это были не просто нормальные убийства. Что тела изувечили.

«Стало быть, уже началось».

- Их убили ножом, - ответила она. - Достаточное увечье.

- Значит... не было ничего странного. Не... - Галлин с трудом подбирал слова, явно и желая и не желая что-то сказать. - Некоторые люди говорили, это снова было нечто вроде Ткачей, - в конце концов, торопливо прошептал он.

- Нет, - твердо произнесла Ли́ра. - Все нет.

- Хорошо, - произнес он, однако его ободрение выглядело неуверенным.

Черные Водопады уже однажды горели из-за Ткачей.

Когда Ли́ра в конце концов вернулась в свой кабинет после исповедей, Венн захлопнул том, который листал, и поставил его обратно к книгам и камням, заполнявшим полки.

- Преподобная мать Тарн. Наконец-то. - Он старался выразиться вежливо. - Натта вызвал меня обратно в Бастион-С, но этот ваш ставленник никак не...

- Что вы думаете о брачном наставлении Колекса? - весело поинтересовалась Ли́ра. Когда Венн в замешательстве захлебнулся, она махнула тростью в сторону книги, которую он поставил на место, и темная кожа на его лице стала еще темнее. Она рассмеялась. - Из вас выйдет хороший пробатор, юноша. На этих полках больше пяти сотен книг, а вы нашли единственную с грязными картинками.

Она вздохнула и уселась за стол: бедро болело. Табурет в исповедальне был жестким и беспощадным, как сама исповедь. Полезно для духа, но скверно для бедра. В ребра ткнулся металл, и Ли́ра вытащила тяжелый автопистолет, пристегнутый под рясой, положив его на стол.

С радостью сменив тему, Венн сосредоточился на оружии.

- Вы всегда ходите вооруженной в церкви, матушка?

- Заповеди этой церкви предписывают носить в исповедальне освященное оружие, - сказала она. - Кара за некоторые ереси может быть суровой и немедленной.

- А вы когда-нибудь...

- Уже много лет, как нет. - Он нахмурился, и его серьезность заставила Лиру улыбнуться. - Файлы?

Венн извлек папку и вручил ей. Та была плотно набита пиктами и рукописными заметками. Лира начала их листать.

- Ну, я пойду, - сказал Венн, направляясь к двери.

- Это расположение, - рассеянно произнесла Лира, игнорируя его попытку удалиться. Она пристально глядела на пикт с тремя телами, которые обгорели почти до скелета и были обращены ногами к единой центральной точке. Трупы в жилом анклав выложили так же. - Вы связали убийства между собой по этой общей черте?

Он вздохнул.

- Преподобная матушка. Я думаю, это благо, что вас так волнуют эти смерти. Что вас заботит происходящее с людьми в этом районе. Но у меня приказ вернуться в Бастион, как только доставлю эти файлы. Пробатор Натта чрезвычайно прозрачно напомнил мне, что у вас нет полномочий распоряжаться моим временем.

- Формально нет, - отозвалась Лира, раскладывая по столу пикты, пять кровавых картин смерти. На каждом из них сожженные тела лежали кругом, на спине, ногами внутрь. Эта схема отсутствовала только на третьем, поскольку там был всего один труп. - Вы можете покинуть этот кабинет, получив лишь сердитый взгляд моего дедиканта. Однако... - Она подняла глаза от пиктов. - Я полагаю, ваше обучение затрагивало сложные тонкости влияния? Как власть приходит с множества разнообразных направлений?

Мальчик снова насупился, но кивнул.

- Славно! Позвольте мне дополнить это знание. Я сорок лет пробыла миссионером, распространяя Его благое слово тем, кто о нем позабыл, на множестве злосчастных планет. За это время я имела дело со многими видами власти, от цивилизованной до дикарской, и, как правило, встречала мало сложностей. Я служу Ему, и меня интересует не власть, а души. Однако временами на своей работе я находила необходимым донести до властьпредержащих важную истину. Никогда, вообще никогда не суйся поперек Экклезиархии.

Венн моргнул, и Лира улыбнулась.

- Я вам не угрожаю. Не совсем. Но эти убийства... Тут есть нечто такое, что меня беспокоит, и я хочу принять участие. А когда член Экклезиархии хочет в чем-либо принять участие, Венн, для вас будет лучше всего пойти ему навстречу. Чаю?

- Я... - Он вздохнул и сел на стул. - Конечно.

Лира ласково улыбнулась ему и позвонила в колокольчик на столе. Галлин сунул голову внутрь.

- Чаю, пожалуйста, добрый дедикант.

Когда тот закрыл дверь, она постучала по пиктам и выжидающе посмотрела на юное лицо Венна. «Милый и смысленый, - подумалось ей. - Жаль, что на тридцать лет слишком молод». Она надавила на бедро, ровно настолько, чтобы старая травма заболела и отвлекла ее от подобных мыслей. Порой обет целибата было сложнее соблюдать, чем прочие.

- На самом деле, сперва мы догадались о связи между ними из-за огня, - произнес Венн. - Поджог часто используют, чтобы замести следы, но такое количество эпизодов настолько близко друг от друга вызвало у нас подозрения. Поэтому мы стали расследовать и обнаружили... общие черты, о которых вы говорили. Тела, выложенные кругом; ноги, обращенные к центральной точке, и символы, вырезанные на плоти и нарисованные кровью на стенах. - Он указал на третий пикт: тот, где было всего одно тело. - Вот почему мы были уверены, что это очередная жертва того же убийцы. Его ячейка в жилом блоке плохо вентилировалась. Огонь прогорел до того, как уничтожил тело, поэтому мы нашли на нем вырезанные знаки.

Ли́ра нашла увеличенные пикты символов, нанесенных на обугленную кожу. В большинстве еле узнавались порезы, но несколько сохранилось в достаточной степени, чтобы увидеть, что они совпадают.

- Еще что-нибудь? - спросила она.

- Да, - ответил Венн. - Причина смерти. Большинству жертв перерезали горло большим острым клинком. Но в каждом эпизоде одну вместо этого душили. Там, где жертва была всего одна, ее задушили.

- Из чего вытекает, что целью этих убийств являлись конкретные люди, а не семейства, - задумчиво произнесла Ли́ра. - Те, кому перехватили глотку, видимо, выступили сопутствующими потерями, с которыми разобрались по-быстрому.

- Да, - сказал Венн. Казалось, мальчик заинтригован загадкой убийств, а это значило, что однажды он может стать хорошим пробатором, если только раньше сам себя не угробит. - Но в чем связь? Мы не нашли никаких зацепок кроме того, что все они из Черных Водопадов. - Он достал инфопланшет и стал тыкать в экран, выводя записи о жертвах. - Они не знали друг друга, не работали вместе, не...

- Вот этот, - произнесла Ли́ра, уставившись на один из мелькнувших зеленоватых пиктов. - Кто это?

- Варус Тошер. Работник факторума семь в комплексе Каришандр.

Мужчина был пожилым и невыразительным, если не считать темной отметины, которая покрывала одну сторону его лица - давно заживший ожог.

- Я его знаю, - сказала Ли́ра. - Он довольно часто приходил в церковь. Или бывал прежде. - Она нахмурилась. - Покажите мне только тех, кого задушили.

Венн застучал по инфопланшету, пока не осталось всего пять пиктов. Ли́р узнала Варуса и ту женщину, для которой приносила последнее напутствие. Она ткнула в эти два пикта.

- Они оба посещали эту церковь.

- Это единственная церковь в Черных Водопадах, - заметил Венн.

Позади него открылась дверь, и вошел Галлин, несущий поднос. Он поставил перед ними обоими чайные

чашки, а также тарелку с углеводными пластинками, которые выглядели так, словно их высекли из черных камней церкви. Лира подавила содрогание и отпила чаю, глядя поверх ободка на своего дедиканта.

- Галлин. Я знаю, что церковная ведомость пропала при уходе отца Крейвина. Насколько мы продвинулись с восстановлением списков прихожан?

Последствия исчезновения предшественника доставляли Лире множество проблем, но утрата записей бесила ее всерьез.

Дедикант наморщился.

- Простите, преподобная матушка, но не слишком далеко. Могу ли я спросить, зачем они вам понадобились?

- Я пытаюсь понять, посещали ли эти люди регулярно церковь, - сказала она, сделав жест в направлении записей на инфопланшете.

- Ааа, - проговорил Галлин. - Если пожелаете, я мог бы попробовать сличить их изображения со всеми, кто попадает на пиктеры в святилище.

- Превосходная мысль, дедикант. - Она потрепала его по покрытой рубцами руке. - Я пришлю тебе пикты.

Галлин кивнул, после чего удалился.

- Регулярные прихожане? - спросил Венн. - Что бы это значило?

- Кто знает? Однако это еще одна зацепка. - Лира коснулась символа из числа более отчетливых, вырезанного на одном из трупов. - Большинство знаков, которые оставили на тех людях, основано на символах, используемых Экклезиархией на тех планетах, где в ходу альтернативные системы письменности. Их исказили, изменили, но я все еще могу их прочесть. Чистота. Очищение. Искупление. Этот убийца исполнил ритуал и опирался в нем на догматы моей церкви. И если он к тому же использует для проведения членов моей паствы... - Она постучала пальцем по чашке с чаем, от чего по горькому бурому вареву пошла рябь. - Тогда я чрезвычайно разозлюсь в личном и профессиональном плане.

- А те символы, которые вы не узнаете? - спросил юноша.

- У меня есть подозрения, - произнесла она. - Они напоминают мне о тех временах, когда я несла службу при Астра Милитарум. Была одна кампания...

Венн вдруг вскинул руку и остекленевшим взглядом уставился в никуда. В его левом глазу сверкнула светящаяся точка: принудительно включился имплантат инфо-облака.

- Пробатор Натта. Я нужен.

- Очередное убийство? - спросила Лира. Когда он не ответил, она кивнула и встала. - Хорошо. Я сниму облачение, и выходим.

- Он... - Венн на миг запнулся.

- Отдельно велел вам не приводить меня? - Лира улыбнулась и направилась в свои покои, чтобы переодеться. - Очень жаль. Пока этого убийцу не найдут, пробатору придется терпеть муку моего

общества.

В узком переулке было невозможно дышать от вони. Дюжина пласталевых грузовых контейнеров, кое-как расставленных за рядом ремонтных мастерских, никогда не предназначалась для проживания людей, однако бедные и отчаявшиеся переделали их в убогие жилища. Единственным, что они сделали для стока нечистот, была траншея, которая вела к полузабитому отверстию ливневой канализации, так что стоял мощный дух. Однако в одном конкретном контейнере смрад отходов перебивался запахом обгорелой плоти и топленого жира, и все это смешивалось с резким химическим фоном.

В этой крошечной металлической коробке жило четверо людей. Теперь она стала для них крематорием. Убийца поджег ее, заперев за собой металлические двери, и огонь подпитывался воздухом, который врывался внутрь через примитивные отдушины, прорезанные в бортах контейнера. Должно быть, весь ящик светился, будто печь.

Однако теперь он был холодным, пепел превратился в слякоть от дождя.

- Сколько они тут пробыли? - спросила Лира, присаживаясь на корточки около одного из тел и игнорируя протест бедра. Несколько костей, потревоженных падальщиками из числа животных и людей, было сдвинуто с места, но знакомое круговое расположение осталось.

- Пару дней, - сказал Венн. - Мы опросили сквоттеров, - он махнул рукой в направлении людей, которые наблюдали за ними из глубины переулка или с крыш других контейнеров, - но они неразговорчивы.

- Как и Натта, - произнесла Лира, пристально вглядываясь в труп. Плоти уже не было, однако она смогла разглядеть глубокую засечку на шейных позвонках почерневшего скелета. Такой же порез присутствовал на шеях двух других тел.

- Со мной он говорил предостаточно, - пробормотал Венн. Когда они прибыли, пробатор оттащил мальчика в сторону и несколько минут орал и рычал на него.

Стиснув зубы, чтобы не застонать, Лира поднялась при помощи своей трости.

- Пробатор Натта, - сказала она. - Вы их еще не опознали?

Тот ощерился и наконец-то заговорил с ней:

- При всем *надлежащем* уважении, преподобная матушка, вам здесь не место.

- И все же я здесь, - отозвалась она.

Натта откинул плащ, постукивая одной ладонью по рукоятке своего автопистолета и выражая угрозу каждой крошечной деталью тела. Однако Лира просто глядела на него снизу вверх, пока он с очередным оскалом не достал из кармана инфопланшет и не передал ей.

Имена ничего не говорили, но Лира тщательно изучила пикты. Большинство она не узнавала, однако одна женщина была ей знакома. Даже при малом разрешении у той были поразительные глаза, красивые и печальные на загрубелом, обветренном лице.

- Она из моей паствы, - произнесла Лира. - Это ее задушили, верно?

- Да, - ответил Натта, а потом насупил от того, что сам вступил в разговор. - Это он вам рассказал?

Мрачное лицо пробатора повернулось к Венну, который изо всех сил пытался стать невидимым.

- Венн мне весьма помог, - сказала она. - И вам тоже, удерживая меня подальше от вас. - *«Может, это отчасти избавит бедного мальчика от неприятностей»*. - Я считаю, что все эти жертвы регулярно посещали мою церковь. По крайней мере, задушенные.

- Добрых, набожных граждан убивают. - Натта сплюнул в выгребную канаву. - Это уж точно не поможет.

- Чему не поможет? - спросила Лира.

- Вы не знаете, что тут случилось, сорок лет назад, - отозвался Натта. - Вы не с этого мира.

- Ошибаетесь, пробатор, - произнесла она. - За сорок лет распространения слова Императора на далеких планетах я почти утратила акцент Солекамня. Но я родилась и выросла в Черных Водопадах. Я была здесь, когда Ткачи душили своих жертв нитями с фактории. Я была здесь, когда санкционеры при помощи тех же шнуров связали еретиков перед церковью и сожгли их заживо.

- Стало быть, вы знаете, насколько все было плохо.

- Ткачи убили моего брата, Фаддея, - сказала Лира.

- Мои родители тоже умерли. - Натта вдруг тряхнул головой и выругался, словно пожалев, что вообще заговорил. А затем посмотрел на нее жестким взглядом. - Если вы были здесь тогда, то должны понимать, чего я боюсь. Ткачей уничтожили, и эти убийства не имеют к ним никакого отношения, но если в смертях есть намек на нечто святотатственное... Это место, эти люди, они помнят то время. Страх, смерть. Если они решат, что это творится снова, будут беспорядки, а то и хуже. Понимаете, почему я не хотел вашего присутствия? - Он дернул покатою головой в сторону людей, которые наблюдали за ними, наблюдали за ней. - Они видят тут вас, священника, и слухи нарастают.

- Досадная возможность, - согласилась Лира. - Но эти убийства *и есть* святотатство, и потому я причастна. Я готова вести себя менее заметно, если вы готовы оказывать больше помощи. - Натта все еще выглядел недовольным, но он иначе никогда и не выглядел, а спорить не стал. - Вы прислали мне ваши данные. Какие у вас теории?

- Теории? - Натта покачал головой. - Чертовски мало. Никаких свидетелей, никаких материальных улик и никаких пиктов. Все, что у меня есть, это схема: перерезанные глотки и удушения, символы, расположение, пожары. Кто бы это ни был, он организован, методичен, осторожен и совершенно безумен. Скверное сочетание.

- Порезы на горле, - произнесла она. - Они точные. Вы не думаете, что убийца мог служить в Милитаруме?

- Очень вероятно, - отозвался Натта. - Он убил уйму людей, очень быстро.

- В Гвардии выживают немногие, - сказала Лира. - Но некоторые из символов, вырезанных на телах, напоминают те, что порой используются в Астра Милитарум. Метки братства, знаки на удачу, обеты Императору.

Он поглядел на нее, и Лире впервые показалось, что он, возможно, считает ее не только болью в заднице.

- Откуда вам это известно?

- Экклезиархия работает вместе с Милитарумом на планетах, сбившихся с пути. Время от времени среди солдат проводятся определенные... ритуалы. - Она повидала на тех мирах много неприглядных вещей. - Однако эти знаки тоже выглядят иными, оскверненными, как было и с символами Экклезиархии.

- Эти из Экклезиархии. Насколько часто они встречаются? Кому бы они были известны?

- Здесь они встречаются нечасто, - ответила Лира. - Но я не видела ничего секретного. Их мог узнать любой после небольшого изучения.

- И все же. Ветеран-книжник, знакомый с вашей церковью. - Натта кивнул. - Это сужает круг.

- Сужает. - Лира оглянулась на тела. - Вы уже выяснили, чем убийца пользуется, чтобы разжечь огонь?

- Какой-то разновидностью прометия, - сказал Натта. - А что?

- В обоих местах я что-то почуяла... Не знаю, что именно. Но это химия, причем необычная.

- Тут я чую только обугленное мясо и дерьмо, - пожал плечами Натта. - У меня нет плиток, чтобы потратить их на анализ. Бастион и так уже занимается моим делом из-за того, что беру слишком много санкционеров. - Он поглядел на нее, а потом на Венна. - К слову о взятых людях, вы быстро заграбастали моего ассистента, так как насчет сделки? Пусть помогает вам с этим, но отныне и впредь держитесь подальше от мест преступлений и распространите молву, что участие Экклезиархии здесь закончено. Мы не хотим, чтобы кому-то приходили в голову неправильные мысли насчет этих убийств.

Лира посмотрела на него, потом на толпу зевак, собравшуюся вокруг них. Те уже перешептывались между собой и хватались за свои аквилы.

- Согласна.

Лира ковыляла по переполненному рынку, кивая тем, кто кивал ей, и шепча благословения тем, кто останавливался перед ней, склоняя голову. Это происходило настолько автоматически, бессознательно, что когда Венн пристроился рядом, она не сразу признала пробатора-терциус, решив, будто это очередной проситель. Однако все равно благословила его.

- Да направит вас Его свет. Доброе утро.

- Эээ, доброе утро, преподобная матушка, - произнес тот. - Ваш дедикант сказал, что вы вышли прогуляться.

- Славно видеть людей за пределами церкви. - Так и было. Находясь снаружи этих мрачных стен, они могли выглядеть настолько иначе. *«И уж точно выглядят сегодня»*. Толпа двигалась по рыночной площади, рассматривая, препираясь, болтая, внешне не слишком отличаясь от любого другого дня. Но в каждом разговоре присутствовала напряженность, подтекст. Люди торговались с таким же грубым бахвальством и сухим юмором, что и обычно, однако стоило им повернуться спиной, как взгляды делались настороженными и подозрительными. Народ собирался кучками, спорил тихими голосами, а затем вновь расходился.

А у людей, останавливавшихся перед ней и просивших благословения, слишком часто был страх в глазах.

Ли́ра оперлась на трость, постукивая пальцами по знакомому рельефу святых, вырезанных на темном дереве.

- Вы чувствуете, Венн?

Мальчик был молод, но не глуп.

- Они боятся, - негромко произнес он. Людская масса расступалась вокруг них, словно поток около пары камней. Священник и пробатор, ведущие разговор друг с другом. Ли́ра видела, как проходящие мельком бросают взгляды, видят их и отдергиваются прочь, будто опасаясь быть замеченными.

- Возможно, нам следует вернуться в церковь.

Ли́ру уязвляло, что Натта мог быть прав, желая не заострять внимания на этих смертях, пытаюсь удерживать ее на расстоянии. *«Грех гордыни с моей стороны»*, - подумала она, впи́лась костяшками в бедро, развернулась и двинулась назад, расплачиваясь небольшой болью в наказание.

- У вас бедро болит при ходьбе? - спросил Венн, следуя за ней. - У моей матери есть мазь от артрита.

- Это не артрит, - отозвалась Ли́ра. - Получила пулю в одной из миссий, двадцать лет назад. Мне раздробило эту сторону бедра, и я едва не истекла кровью. - Она пожала плечами. - Моему выживанию отчасти поспособствовало то, что я убедила местных в божественности Императора.

- Это... - Венн как будто потерялся. - Хорошо, наверное. - Он искоса посмотрел, как она постукивает тростью рядом с ним, улыбаясь тем, мимо кого они проходили. - Вы непростой человек, преподобная матушка.

- Таковы мы все, - произнесла Ли́ра. - Во всех нас есть места, невидимые для большинства. Некоторые полны света. Однако основная часть - нет.

Они уже покидали рынок, удаляясь от толпы, сгрудившейся перед лотками, где продавали холодную питательную жижу, и выходя на чуть менее полные улицы. Она откинула назад пригоршню серо-черных кудрей и задумалась, что сказать дальше.

- Вы бы сочли пробатора Натту непростым?

- Чрезвычайно, - рассмеялся Венн. - А что?

- Он очень усердно пытается не подпускать меня к расследованию.

- Да, - отозвался Венн и махнул рукой в сторону рынка. - Вы видели, почему. Вы же не думаете, будто он как-то замешан?

- Я стараюсь не делать предположений прямо сейчас, - сказала Ли́ра. - Если бы Натта захотел устроить эти убийства, то мог бы.

- Нет. - Венн покачал головой. - Я знаю Натту. Хороший ли он человек? Нет, не совсем. Мне случалось видеть, как он порой отворачивался, если хорошо платили или если ожидалось слишком много проблем. Но он не какой-то там тайный фанатик.

- Его родителей, - проговорила Ли́ра, - сожгли как Ткачей.

Глаза Венна расширились.

- Я не знал.

- Вся его семья была блюстителем. Бастион это скрыл. Однако у церкви есть собственные записи. - «К счастью, отец Крейвин не все забрал с собой».

- Я не знал, - повторил Венн. - Я родился не в Черных Водопадах, но все в Солекамне слышали рассказы. Тут было скверно, да?

- Ткачи за очень короткий срок проделали путь от нескольких суеверных рабочих до культа убийц, - сказала Лира. - Ходили разговоры, что весь район зачистят, чтобы не дать их отраве распространиться. От страха сосед шел на соседа, друг на друга, семья на семью. В ночь костров погибло много невинных людей. Но это не имело значения. Толпе было все равно, им просто хотелось выжечь скверну Ткачей. Люди до сих пор помнят. Люди до сих пор боятся. С учетом этого я бы не стала говорить Натте о том, что вам известно.

Венн кивнул. Он повел плечами, словно пытаясь решить, куда уронить бремя новоприобретенного знания.

- Эта информация кое-что для меня проясняет насчет Натты. Однако... - Он покачал головой. - Я не думаю, что он убийца. Ну, не такой убийца.

Лира с силой треснула тростью по скалобетону.

- Вероятно, вы правы, - сказала она, и он, вероятно, и был прав, но отвратительный поток, струившийся по рынку, через ее церковь, через весь район, вызывал у нее желание покончить с этим, сейчас же. Она двинулась дальше, раздумывая, а тем временем мимо пробежала группа молодых бандитов, показывавших Венну грубые жесты. Лира рассеянно взмахнула рукой, благословляя их. - Даже если это и не он, такое ощущение, что Натта отгонял меня не просто так.

Венн беспокойно шевельнулся.

- Есть еще кое-что. Проповедник, руководивший этой церковью до вас, отец Крейвин. С ним были проблемы.

- Мне говорили, что он бросил свой пост, - произнесла Лира.

Венн кивнул.

- Мы расследовали серию нападений. Людей сильно избивали. В конце концов, Натта отследил ее до отца Крейвина. Судя по всему, преподобный отче решил, что наказаний, которые он отмерял во время исповеди, было недостаточно, и брал дело в собственные руки. Когда Натта это выяснил, то передал Экклезиархии.

- Уж конечно передал, - отозвалась Лира. «Что за проклятый бардак». - И что случилось?

- В Экклезиархии нам сказали, что они позаботятся об этом, - ответил Венн. - Но прежде, чем они успели это сделать, отец Крейвин исчез. И на этом бы все и закончилось, но Натта...

- Утратил всю веру, что у него еще была? - Лире случалось видеть, как такое происходило с многими после столкновения с грубой политикой Экклезиархии. А потом она одарила Венна пронзительным взглядом. - Проповедник, вершивший суровую кару, который исчез?

- Натта думал об этом, - произнес Венн. - Но Крейвина здесь хорошо знали. Кто-нибудь бы его увидел. И он прожил тут всю жизнь, никогда не служил в армии.

- Ему было бы сложно спрятаться, - признала Лира. - Разве что ему помогли. Если кто-то его укрывал...
- Она вдруг просветлела и улыбнулась Венну. - Вы шпион, верно?

В глазах Венна вспыхнула тревога, но затем она пропала, затуманившись притворным замешательством.

- О чем вы говорите, преподобная матушка?

Она ткнула в него своей тростью.

- Все в порядке. Даже умно, и я всецело одобряю. Натта считает, что я могла быть впутана во все это - прятала отца Крейвина, а потом покрывала его ужасные преступления. Он позволил мне позаимствовать вас, чтобы вы могли за мной шпионить. Подумать только, а я пыталась использовать вас, чтобы пошпионить за ним. - Лира рассмеялась. - Каков клубок. Проблема со всеми этими сложными тонкостями власти состоит в том, что в конечном итоге они сами завязываются узлом. - Она вздохнула и покачала головой. - Что ж, можете заверить Натту: я понятия не имею, что произошло с отцом Крейвином. Было бы хорошо, знай мы кого-нибудь осведомленного об этом.

Лира снова зашагала, предоставив Венну догонять. Мальчик был умен, но, если он намеревался стать хорошим пробатором, ему требовалось поработать над тем, чтобы лгать получше.

Они уже почти вернулись в церковь и находились недалеко от площади, когда внимание Лире привлекло что-то на улице впереди. Бандиты, которые миновали их ранее, собрались вокруг высокого мужчины средних лет с деформированным лицом и повязкой на одном глазу.

- Еретик, еретик, что ждет еретика? - со смехом произнес один из бандитов, когда группа взяла мужчину в кольцо.

- Огонь и пламя, огонь и пламя! - закричали они. У юноши, который руководил распевом, был запальник, и он поджигал фрагменты отходов, бросая их в обезображенного человека. Лира ускорила шаг, однако не создавала шума тростью и ногами, пока, спотыкаясь, пробиралась бандиту за спину.

- Огонь и пламя! - выкликнул тот, зажигая очередную порцию мусора. Но прежде, чем он успел швырнуть ее, Лира ткнула его под колено концом своей трости. Бандит взвизгнул от боли и упал наземь, уронив горящие отбросы рядом с собой. Он перекатился и посмотрел на нее, злобно сверкнув глазами, однако она при помощи трости выбила у него из руки запальник, а затем уперла наконечник в ложбинку у основания его горла.

- Что ждет еретика? - проговорила она. Ее нога растерла маленький огонек. - Пламя. Но что ждет грубых и наглых? - Лира занесла трость. - Порка.

Бандит ощерился на нее, явно готовясь напасть, но потом заметил ее одеяние, символ Имперской веры на шее. И еще заметил Венна, который стоял рядом, положив руку на свой автопистолет. Юноша отполз назад, перевернулся и пустился наутек вместе с остальными, прерываясь ровно настолько, чтобы изрыгать назад проклятия. Лира уже шла к невезучему мужчине.

- Ты в порядке, Бартия?

Он кивнул, из единственного глаза лились слезы.

- Будьте здоровы, преподобная матушка. - Его руки скручивались вместе. - Мне жаль, что вам пришлось утруждаться ими. Следовало просто пройти мимо. Неважно, что они со мной делают.

- Важно, Бартия, - произнесла она. - Для Него важно.

От этого Бартия что-то сбивчиво забормотал, а потом попятился назад, кланяясь и расшаркиваясь, явно подавленный. Лира проследила, как он уходит, и вздохнула.

- В чем дело? - спросил Венн, убирая руку с оружия.

- Родня Бартии Соу была Ткачами, - сказала она. - Он был всего лишь ребенком, и толпа пожалела его. Еле-еле. Тогда были жестокие дни.

«И Черные Водопады не забыли грехов его семьи. Как и он сам». Качая головой, Лира добралась до конца квартала и вышла на площадь, которая тянулась перед церковью, свободная от толпы, стальных рам и огня.

На другом краю площади располагалась церковь, сверкавшая своим огромным окном. Внизу Галлин подметал ступени, блестя лысой рябой головой в румянном свете красного солнца. Лира остановилась, глядя на него и размышляя, а затем застучала через площадь к нему.

- Галлин, ты знал отца Крейвина, - произнесла она, отмахнувшись от его поклона.

- Очень хорошо, преподобная матушка, - ответил тот. - Это ему я впервые исповедался, и он велел мне принести этой церкви обет дедиканта и работать над собственным исправлением с тем же пылом и орудиями, при помощи которых я чищу это священное место.

«Итак, использовать это ужасное моющее средство было не его идеей. Преподобный отче проявил... изобретательность в его наказании».

- Тебе известно, что с ним произошло? - спросила Лира.

- Я знаю, почему он бежал из церкви, - сказал Галлин. - Те вещи, что он делал... - Дедикант поглядел на Лиру. - Отец Крейвин верил, что боль и страх суть броня наших душ.

- Как вы думаете, что-нибудь может помочь нам выяснить, что с ним произошло? - спросил Венн.

- Ну, - проговорил тот, явно глубоко задумавшись, - когда отец Крейвин ушел, то забрал все свои записи и многие из церковных, как вы знаете. Но он оставил несколько обрывков, включая пару страниц из своего журнала. Вы хотели бы взглянуть на них?

Лира крепко перехватила трость.

- Да, Галлин. Да, очень бы хотела.

Лира глядела наружу через окна машины, пока та с гроыханием пересекала мост, перекинутый через грязные воды реки. Шел сильный дождь, но у каждой башни моста стояли собравшиеся толпы народа. Они обмотали примитивные чучела нитками и вздергивали их наверх, чтобы подвесить на стальных распорках башен. На ветру уже раскачивались и другие чучела, дымившиеся и тлевшие под дождем.

Венн тоже их увидел.

- Становится хуже.

- Люди напуганы, - сказала Лира. У нее в голове замерцали воспоминания о собственном страхе, собственной ненависти, когда она смотрела на похожие свертки, где нитями были обмотаны не топорные куклы, а вопящие мужчины и женщины. Она прижала руку к бедру. - Когда люди напуганы, они делают ужасные вещи.

- Но вы постоянно говорите, что Ткачей больше нет, - произнес Венн.

- Их нет. - Они проехали под последним из свертков, и Лира проследила, как с него падают обгоревшие нити. - Так кого же притащат на церковную площадь, если толпа начнет требовать не ниток, а крови?

После этого они молчали, пока Венн не остановил машину перед наполовину обвалившимися остатками склада, который Крейвин описывал на драных страницах своего журнала.

- Чудесное место, - произнес Венн, швыряя сломанным кирпичом в крысу размером с ребенка, присевшую перед ними. Животное увернулось и скрылось в горе плесневеющей ткани. Им уже пришлось отгонять с дюжину крыс и почти столько же людей-падальщиков. Все они были не рады видеть на своей территории незваных гостей.

- Секретное место. - Склад был пожертвован церкви целую вечность назад, а затем опустошен при беспорядках из-за Ткачей. Крейвин предпринял дальнейшие меры, чтобы скрыть его существование. - Сюда.

Лира направилась к задней стене из черного кирпича и нахмурилась, вглядываясь в изорванные страницы, которые ей дал Галлин, и расшифровывая неразборчивый почерк Крейвина в тусклом свете. Найдя то, что искала, она подошла к стене и пошатала своей тростью один из кирпичей. За ним был спрятан примитивный запирающий механизм, и когда Лира потянула за него, в стене с дребезжащим стоном распахнулась потайная дверь.

Венн жестом велел ей отойти и вытащил из-под куртки автоматический пистолет - меньше и изящнее того чудовища, которое носил Натта, но все равно смертоносный. Он приблизился к двери, второй рукой извлек ручной фонарь и нырнул внутрь. Лира последовала за ним, крепко сжимая трость.

Комната по ту сторону была узкой и длинной, в ней разило пеплом и старой смертью. Фонарь Венна обежал помещение, выхватывая знаки, снова и снова нарисованные на стенах, заплесневелые стеллажи с едой, и под конец остановился на обугленном трупe, сидевшем на дальнем конце комнаты.

- Проклятье, - пробормотал Венн. - Так и знал, что все слишком просто.

Лира достала собственный фонарь, щелкнула им и двинулась осмотреть тело. Огонь и время оставили от него лишь почерневшие кости, но роясь в углях, она обнаружила проблеск металла. Медальон, деформировавшийся от нагрева, однако на нем все еще отчетливо различался символ Имперского культа. Идентичный тому, что носила она. Лира положила его обратно в пепел и глубоко вздохнула. А потом пожалела об этом и закашлялась, поскольку втянула в себя ту же химическую вонь, которую чувствовала на других пожарищах.

- Это Крейвин? - спросил Венн, осторожно обходивший комнату с обыском.

- Вероятно, - сказала она. - Итак, он не наш убийца, но может быть одной из его жертв.

Она внимательно посмотрела на шейные позвонки трупа. Следов пореза не было. Задушен? Невозможно узнать.

Лири изучила символы на стене. Те были выполнены краской, а не кровью, и походили на виденные ею прежде, но отличались.

- Не думаю, что их нанес наш убийца. Похоже, другая рука, да и символика... - Она нахмурилась. Эти были чрезвычайно каноничными, такими же как те, которым учили ее. Знаки же на местах убийств переделали, словно убийца подстраивал их под соответствие какой-то иной схеме. И многие из присутствовавших здесь символов не использовались при убийствах. - Это был соперник? Напарник?

- Какой-то напарник. - Венн перебирал кипу книг, сваленную возле стены. - Думаю, я нашел ваши церковные записи. К сожалению, до них добралась плесень. - Он выбрал одну книгу и пролистал ее. - В основном тут бессвязица о том, что приходится бежать. В конце список: люди, которых он хочет «предать суду». Здесь есть Натта и большинство местных членов Экклезиархии, а еще кто-то, кого он называет «дезертиром». Меня, впрочем, нет. - Он насупился и закрыл книгу. - Досадно.

- Ммм, - произнесла Лири, продолжая пристально смотреть на символы. *«Чистота, искупление, огонь»*. Их вариации присутствовали при каждом убийстве. Правосудие, кара, терзание - этих не было. *«Что же это значит?»*

Она обернулась, вскидывая трость - Венн выронил отсыревшую книгу. Тот стоял с поднятой рукой, глядя в никуда и принимая очередное сообщение на свой имплантат.

- Через инфо-облако поступило предупреждение, - сказал он. - Нам нужно возвращаться к церкви.

Ревя сиренами, машина проскочила вокруг группы людей, шедших по улице с факелами в руках.

- Это не бунт, - произнесла Лири. - Это сборище. Кого-то сожгут.

- Кого? Почему? - спросил Венн, стараясь говорить ровным голосом.

- Это мы и должны выяснить. Пока не стало слишком поздно. - *«Пока факелы не упали»*.

Венн повел машину, петляя в густеющей толпе, пока не свернул за угол и не ударил по тормозам. Улица впереди была забита, все пытались протолкнуться на церковную площадь. Перемежая проклятия молитвами, Лири вылезла наружу и начала протискиваться сквозь людей.

- Подождите! - закричал Венн. Он поймал ее за плечо и развернул, указывая на другую сторону улицы. Там стояла еще одна наземная машина, «Преграда», припаркованная на половине тротуара. Прислонившись к ее крыше, за текущей мимо толпой наблюдал Натта.

Лири немедленно сменила направление движения, проталкиваясь через давку к пробатору.

- Что происходит, во имя Него? - заорала она, перекрикивая рев. Приблизившись, Лири почувствовала исходящий от него запах амасака: настолько мощную спиртовую вонь, что у нее чуть не заслезилась глаза.

- Тайна раскрыта, преподобная матушка, - ухмыльнулся ей Натта. Лири впервые увидела его улыбку, и та была ожесточенной и неприятной. - Наш убийца наконец-то дал маху. Вломился в жилище этим

утром и начал резать глотки, но последняя жертва отбилась. Этот мелкий паршивец прямо воинствующий святой. – Натта достал из-под пальто фляжку и сделал длинный глоток. – Наш убийца сбежал, но в драке уронил свой рабочий жетон и бутылку с прометиом. А еще кисть для рисования тех знаков, и ее рукоятка была вся обмотана ниткой.

– Он был Ткачом? – спросил Венн.

– Вся его семья была. Толпа уделала их сорок лет назад, но его пропустила. – Натта оглядел сборище сияющими, опасными глазами. – Схватили так много других, но пропустили этого одноглазого ублюдка. Впрочем, сегодня ночью они не промазали.

«Один глаз». Лира схватила Натту за пальто и яростно уставилась на него.

– Бартия Соу. По-вашему, он это сделал?

– Его жетон был на полу, – сказал Натта. – Мне этого достаточно. Им этого достаточно.

Он махнул фляжкой в направлении текших мимо них людей.

– Вы должны это прекратить! – бросила Лира. – Бартия не убийца! Эти люди собираются сжечь невиновного!

– Вот как? – проговорил Натта, сосредоточив на ней взгляд своих озлобленных глаз. – Так случилось сорок лет назад. Тогда никому не было дела. С чего бы ему быть теперь?

Натта снял ее руку со своего пальто и подался назад, привалившись к лобовому стеклу.

– Перестаньте играть в пробатора, преподобная матушка. Ступайте в свою церковь и исполняйте свой настоящий долг.

Он вскинул фляжку и закричал: «Еретику что?»

Катящаяся толпа единым громким голосом отозвалась: «Пламя!», и он насмешливым тостом наклонил фляжку в сторону Лир и отпил.

Лира вихрем отвернулась от него, пробиваясь сквозь сборище.

– Что вы намерены делать? – произнес Венн. Он двигался возле нее, держа оружие под курткой. Окружающие люди смешивались в круговерт злости, страха и возбуждения.

– Орать и бить по головам, – ответила Лира. – Они не могут убить Бартию.

Толпа становилась плотной, и Лире делалось все сложнее прокладывать себе дорогу. Она пользовалась тростью, чтобы раздвигать людей, но ей мешали больное бедро и гуща тел.

– С дороги! – крикнула она, но ее голос был едва слышен за грохочущим ревом сборища. Рядом Венн пытался помочь, оттягивая и толкая людей, пока не схватил за плечо мужчину одного с ним роста, но, наверное, вдвое тяжелее.

– Эй! – завопил тот, оборачиваясь. На его уродливом лице был шрам от поножовщины. – Следующим сгореть охота, милашка?

«У меня нет на это времени», – подумала Лира и сдвинулась, чтобы оказаться перед Венном. Здоровяк увидел ее, однако, похоже, с удовольствием пробил бы насквозь, чтобы попасть по юноше. Он

размахнулся, нанося жесткий, быстрый и очевидный удар, а Лира повернула корпус, убирая голову, и взметнула свою трость вверх. Резное дерево, твердое как камень, с треском врезалось мужчине в запястье. Лира крутанула трость обратно, вколотив ее в коленную чашечку нападавшего.

Человек со шрамом упал, извиваясь и прихватив с собой нескольких из толпы. Лира переместилась вперед, на внезапно образовавшееся пространство, Венн последовал сразу за ней. Ей не удалось пройти далеко, но она смогла добраться до площади.

На ступенях, ведущих к огромной черной тени церкви, наспех возвели железную раму. С ржавых балок свисали тысячи нитей, обвивавшихся вокруг рук, ног и торса Бартии. Ту небольшую часть кожи, что просматривалась сквозь жгуты, испещряли кровоподтеки, а руки мужчины выгибались под ломаными углами. Толпа завязала нити на его голове настолько туго, что те врезались в кожу, и даже издали Лира видела, что по лицу, будто темные слезы, бежит кровь. У его ног были груды навалены еще нити: распущенные вязки, взятые с одной из факторий и ожидающие зажжения. Лира попыталась протолкнуться вперед, крича, однако толпа ревела, словно буря.

Затем из давки по дуге взмыл факел, запрыгавший по церковным ступеням. За ним еще один, и после этого на лестницу обрушился огромный сверкающий поток пламени. Факелы подскакивали и вертелись, разнося огонь по камням, отполированным тысячей поколений верующих, и это пламя зацепило нити. Те превратились в тысячу огненных линий, их свет озарил фасад церкви, искрясь на черном камне и витражном образе, и на миг Лира увидела тень Бартии, его темное подобие, между протянутыми руками Бога-Императора.

А потом обмотанные вокруг человека нитки занялись, и он вспыхнул – ярко, словно, звезда.

– Нет! – закричала Лира, и она лупила тростью, силясь пробиться сквозь толпу, сражаясь, проклиная и молясь, но вопли Бартии уже стихали, а Венн обхватил ее руками, удерживая и оттаскивая прочь.

Позже – настолько поздно, что ночь уже почти закончилась, переходя в утро – Лира сидела в своем кабинете, пытаясь игнорировать все еще липший к ней смрад дыма и горелой плоти, и глядела на инфопланшет у себя на столе.

На нем вспыхивали изображения: мертвые и сожженные мужчины и женщины. Каждое было сделано пиктером, висевшим снаружи ее исповедальни. Все они приходили в эту церковь, исповедались ей, а потом кто-то задушил их, изрезал и сжег, проводя ритуал, опоганивший Имперский культ и Того-что-на-Терре. Лира еще раз перелистала их, а затем взяла планшет и с раздосадованным вскриком швырнула его через всю комнату.

Звук, с которым тот отскочил от книжных полок, громко разнесся в тишине, и дверь распахнулась. Галлин, должно быть, притаился сразу же снаружи. Его глаза метнулись с нее на планшет и обратно.

– Мой доклад... – неуверенно начал он.

– Твой доклад был превосходен, дедикант, – произнесла Лира, заставляя свой голос звучать спокойно, пусть даже ей хотелось орать. *«Это не его вина»*. – Благодарю тебя.

– Счастливы служить, преподобная матушка. – Он помедлил в дверном проеме. – Вам что-нибудь нужно? Чаю?

Ли́ра посмотре́ла на его́ лицо́ под ка́пюшо́ном, бледное́ и по́крытое́ шрама́ми, и не зна́ла, смея́ться ей, крича́ть или пла́кать. Вме́сто это́го она́ просто́ вздохну́ла.

- Чаю́ было́ бы прекра́сно. Благода́рю.

Он резко́ качну́л голово́й и вы́шел из ко́мнаты, а Ли́ра уста́вила́сь на пла́ншет. *«Мо́и лю́ди. Да, Его́ лю́ди. Но и мо́и то́же, все они́, в то́м числе́ и Ба́ртия».*

Ее́ ру́ка сдвину́лась по сто́лу, и она́ защелка́ла пере́ключате́лями на бо́ку ма́ссивной че́рной ко́робки це́рковно́го вокс-пере́датчи́ка, а за́тем вби́ла ко́д. На кро́шечном экра́нчике вокса́ побе́жали симво́лы, отсчи́тывавши́е ко́личество́ сигна́лов вы́зова, кото́рые звуча́ли в дале́ком Ба́стионе. Шесть́ раз. Семь́. *«Буду́ жда́ть до де́сяти».* Одна́ко она́ оста́вила́ все на са́мотек, и на че́тырнадцато́м сигна́ле симво́лы пе́рестали́ дви́гаться, а по ка́бинету́ гу́лко разне́ся го́лос На́тты, нече́ткий от выпито́го.

- *Препо́добная ма́тушка, я поговору́ с ва́ми оди́н раз. После́ это́го у на́с все. Ясно́?*

- Мне́ ясно́, что это́й но́чью сгоре́л неви́нный че́ловек, - жестко́ отреза́ла Ли́ра. - Еще́ мне́ ясно́, что уби́йца гу́лял на сво́боде. Тот, кто́ уби́л чле́нов это́й це́ркви. Вы это́ зна́ете, не так ли, проба́тор На́тта? Че́то, позво́лив тако́му произойти́, вы не просто́ уби́ли Ба́ртию, а позво́лили настоя́щему уби́йце́ жи́ть?

- *Хотите́ зна́ть, что я зна́ю?* - проговори́л На́тта мра́чным от выпивки́ и цини́зма го́лосом. - *Неви́нные умира́ют, а уби́йцы́ жи́вут, и так и рабо́тает́ вся́ эта́ жалко́я дря́нь.* - Разда́лся пле́ск: в бока́л нали́вали ама́сек. - *Я не могу́ это́го оста́новить. Вы не можете́ это́го оста́новить. Са́м Бог-Импера́тор не може́т это́го оста́новить. Вот та́кие де́ла.*

- От ко́щунства́ пользы́ не бу́дет, - предо́стерегла́ она́ его́.

- *И че́то вы на́мерены́ де́лать?* - невня́тно пробормо́тал он. - *Сже́чь ме́ня, как они́ сожгли́ Ба́ртию?*

- Или́ ва́ших роди́телей?

- *Че́то вы зна́ете о мо́их роди́телях?* - зары́чал На́тта.

- Знаю́, что сме́рть Ба́ртии́ им не помо́жет. И ва́м.

- *Нет, препо́добная ма́тушка. Мо́гу ва́м га́ранти́ровать, что сме́рть это́го несча́стного ублю́дка помо́жет ме́не в са́мый раз.* - Он все́ еще́ зли́лся, но его́ зло́ба звуча́ла так, сло́внo ста́ла холо́дной, жестко́й. - *Бью́сь об за́клад, на́ш уби́йца́ это́й но́чью смотре́л на пла́мя, и е́сли оно́ не на́пугает́ его́ настолько́, че́тобы на ка́кое-то вре́мя залечь́ на дно́, то за́ставит́ собра́ть ве́щи и пере́ехать. Но че́то е́ще́ ва́жнее, это́ успоко́ит жи́телей́ райо́на. Они́ получи́ли сво́ю кро́вь и сожже́ние. Те́перь они́ могу́т верну́ться в сво́и до́ма и к сво́ей рабо́те, нача́в снова́ забыва́ть все́ это́ дерьмо́ про́ Тка́чей. Мы́ все́ може́м.*

Ли́ра откры́ла бы́ло рот, че́тобы за́протестова́ть, но вокс-пере́датчи́к щелкну́л: проба́тор разо́рвал сое́дине́ние. Она́ долго́ сиде́ла, гля́дя на че́рный я́щик. По́том вста́ла, опи́раясь на сво́ю трость, и подо́шла к отбро́шенно́му ей пла́ншету. Экра́н тресну́л, но все́ еще́ отзы́вался на прикоснове́ния, пере́ходя́ от одно́го пикта́ к друго́му. Эти́ лю́ди бы́ли деть́ми Импера́тора. Эти́ лю́ди прина́длежали́ ей. Грех́ горды́ни, но ее́ это́ не заботи́ло. Они́ прина́длежали́ ей, и...

Она́ оста́нови́лась, уста́вивши́сь на экра́н. Рядо́м с тре́щиной, в уго́лке пикта́ той же́нщины, кото́рую она́ соборова́ла, находи́лась ма́ленькая́ строчка́ те́кста. Ме́тка вре́мени́ и да́ты. Да́та бы́ла тем же́ дне́м, ко́гда са́нксионе́ры по́проси́ли ее́ при́йти - дне́м, ко́гда для́ Ли́ры́ все́ это́ нача́лось. *«Ее́ уби́ли че́рез не́сколько́*

часов после того, как она исповедалась мне».

Ли́ра вернулась к своему столу и взяла инфопланшет, который ей дал Венн. Положила планшеты рядом друг с другом, прокручивая пикты и отчеты. Каждый из них укладывался в схему. Все жертвы пришли к ней исповедаться... а вскоре после этого их задушили, искромсали и сожгли.

- Клянусь Его Троном и Его кровью, - прошептала она. Затем потянулась к своему воксу и отстучала код Венна. Символы задвигались, но вокс молчал. «Спит, - подумала она. - Ну конечно». Да и что он мог сделать с этой информацией? Что могла сделать она? Убийца был здесь, в ее церкви, отслеживая ее людей, но что...

Послышался стук, после чего дверь распахнул Галлин. Он держал поднос с чаем и моргнул, глядя на нее.

- С вами все в порядке, преподобная матушка?

- Прошу прощения, дедикант, я просто очень устала.

- Ужасное выдалось время, - сказал он, подходя с подносом и выставляя ее чай. - Впрочем, это ужасный мир, не правда ли?

- Правда, - отозвалась она, поднимая руку к лицу. Запах чая не мог скрыть запаха чистящего средства, которым пользовался Галлин, и то, как этот резкий химический запах смешивался с едва заметным душком гари, было...

Ли́ра застыла, держа свою чашку с чаем, вдыхая эту слишком знакомую ей вонь.

- Преподобная матушка? - мягко произнес Галлин. - Могу ли я еще что-то для вас сделать?

- Да, - ответила она. - Те углеводные пластинки, что ты подавал с чаем. Венн съел их все?

- Боюсь, что так.

- Ах. - Она подняла глаза и улыбнулась Галлину. - Быть может, я могу затруднить тебя сбегать и достать еще?

Галлин выглянул через одно из окон в предрассветный мрак.

- Конечно, матушка. Никаких затруднений.

Повернувшись, он вышел, и запах понемногу стал ослабевать. Ли́ра дождалась, пока тот не исчез совсем, а затем взяла трость и встала, двигаясь быстро.

Времени у нее было немного.

Каморка Галлина располагалась в недрах церкви, в алькове огромного подвала, где хрипящие машины поддерживали тепло или прохладу здания наверху. Его уголок в этом темном, загроможденном трубами помещении был чистым и практически голым. Там стояла узкая койка, на трубах висели какие-то черные одеяния, еще имелся маленький сундучок и ящик со стеклянными сосудами, содержащими в себе то чистящее средство, которым он пользовался.

Ли́ра подобрала одну из склянок и вскрыла ее, поморщившись от запаха. Снова загерметизировала и

посмотрела на символы, нанесенные на стекло – логотип изготовившего его торгового комбината и метки, рекомендовавшие применение для мойки, очищения. В их простых очертаниях она увидела отголосок того, что было вырезано на коже той женщины. Он объединил эти предупреждения с культовыми символами, создав свои собственные.

- Бог-Император, прости, – выдохнула она. Сунула склянку под рясу и перешла к сундуку. Внутри было только некоторое количество нижнего белья и несколько религиозных текстов. Лира перелистала их, а затем положила на место, но в это время из одного что-то выскользнуло. Тонкая шелковая лента, черная с вышитыми золотом символами. Символами, похожими на те, которые она видела вырезанными на коже мертвых. Это была лента на удачу, молитва о благословениях – вроде тех, что ей случалось видеть в обиходе солдат Имперской Гвардии: элементы ритуального фольклора, призванные уберечь носителя от вреда.

Гвардия. Она провела лентой между пальцев, чувствуя грубые изношенные кромки. В найденном Венном журнале Крейвин упоминал дезертира. В каком грехе исповедался Галлин, раз отец Крейвин сделал его дедикантом и велел мыться этим едким очистителем? Теперь Лире казалось, что она знает.

Она убрала ленту в карман и огляделась напоследок, гадая, нет ли здесь чего-то еще. В койке ничего, за одеяниями ничего, но та стена, на которой они висели, была сделана из кирпичей, и Лира стала пытливо водить по ней руками, пока не нашла один незакрепленный. Она вытащила его и обнаружила запирающий механизм, как на секретном проходе Крейвина. Потянула за него, и распахнулась потайная дверь. Держа трость, Лира осторожно шагнула в помещение за ней.

И остановилась, услышав визг лазпистолета, с гудением ожившего возле ее головы.

- Преподобная мать Тарн. – Галлин схватил ее трость и отступил назад. Его лазпистолет ни разу не поколебался. Он двигался очень быстро и очень умело. «А я еще вечно жаловалась, что он шныряет вокруг», – подумала Лира. Галлин бросил трость и со щелчком включил люмены. При свете Лира увидела маленькую комнатку, на полу которой были сложены кипы религиозных текстов, а на стенах – выведены символы, такие же, как те, что она встречала на местах убийств. Еще она увидела Венна, бесчувственного и крепко связанного в углу. На кляпе у него во рту была кровь.

- Дедикант Галлин, – проговорила она, оценивая дистанцию до него, до ее трости. Он стоял в непринужденной, подготовленной позе, и Лира была абсолютно уверена, что он сумеет прожечь дыру у нее в груди, прежде чем она успеет сделать и пару шагов. – Ты поднял на меня руку.

- Знаю, преподобная матушка. – Печаль в его голосе звучала искренне, но глаза в кои-то веки не были обращены вниз, а смотрели на нее, пристально наблюдая. Он поманил ее рукой к табурету, стоящему около двери и похожему на тот, что был у нее в исповедальне. – Мне жаль, что нам приходится начинать таким образом, но я не хочу, чтобы все вышло из-под контроля.

- Из-под контроля. – Лира примостилась на табурет, пристально глядя на него. – Тебе есть, в чем исповедаться, дедикант?

Он посмотрел на нее, выходя как будто... довольным. Однако лазпистолет так и не дрогнул.

- Да, преподобная матушка. Вам известно, что я совершил. Кого я убил. Я признаюсь в этом, но хочу, чтобы вы знали, в чем причина. – Галлин махнул свободной рукой в направлении своих книг. – Хочу, чтобы вы знали: мы спасли людей, очистили их и вручили их незапятнанные души Ему. И мы можем сделать то же самое еще для столь многих.

Лири вздохнула.

- Говори проще, Галлин. Венн приходит в себя, и похоже, что он мучается.

- Ненадолго, - произнес он, и от уверенности его спокойной улыбки делалось не по себе. - Но вы хотите, чтобы я выражался ясно, поэтому позвольте изложить все по-простому. Я родился и вырос в Солекамне, неподалеку от Черных Водопадов. В детстве меня привезли сюда посмотреть на сожжение Ткачей. Это был просветляющий опыт.

«Костры прошлого остывают поколениями, - подумала Лири. - Если не вспыхивают вновь».

- Как и вы, я увидел, что злу дали отпор и сожгли его, и мне захотелось тоже это делать, - сказал Галлин. - Однако вместо того, чтобы присоединиться к культуре, я присоединился к Гвардии. Провел там много лет. Столько кампаний. В основном, усмирение гражданских войн, битвы с мятежниками и бандитами на десятке разных планет, но я повидал там и ужасы. Ксеносов. Вы когда-нибудь видели орка, пока были там, матушка?

- Только на пиктах.

- Пикты - не то, - произнес он. - Они гораздо хуже, чем вы можете представить. Однажды я убил одного из них ножом. Я хорош с ножом. За это мне дали медаль, но я неделями не мог избавиться от вони его крови. - Галлин покачал головой. - Вот в чем штука. Я сражался и убивал, убивал и сражался, и знаете, что происходило? Меня опять бросали в бой. Всегда находились новые орки, новые восстания, снова, снова, снова. Неважно, скольких я убил, неважно, сколько моих друзей погибло. Это бы никогда не кончилось, не положи я ему конец сам, так что в один день я увидел свой шанс и воспользовался им. Я не горжусь этим, но я дезертировал. Бежал и бежал, пока не добрался до самого дома. Но когда я оказался здесь, после всего этого... Я не смог ужиться с собой, с теми вещами, которые сделал. Поэтому я явился сюда, нашел отца Крейвина и исповедался.

- И он тебя не убил, - сказала Лири.

- Едва не убил, - ответил Галлин. - Он избил меня, и я позволил ему это, но в конце он решил дать мне искупление. Вынес епитимью, чтобы показать мне, что чистота требует боли. Отец Крейвин очень верил в чистоту через боль.

- Он мог бы быть комиссаром, - продолжил он. - Но отцу Крейвину недоставало силы для Схолы Прогениум. Я не сразу это разглядел. Только когда помог ему укрыться в том месте. Вот тогда-то я его и понял. Он был слаб. Никогда не бывал за пределами этого мира, как мы. Он бы там не выжил. Крейвин считал себя сильным, но лишь потому, что ему нравилось причинять боль слабым. Тем, кого он должен был защищать. Как защищали мы.

- И ты убил его.

- Да. Убил, сжег и в пламени увидел... Его. - Глаза Галлина загорелись пылким огнем. - Я увидел Его, и Он сказал мне, что делать. Что Ему нужно. Сказал мне, что делать, и послал вас. Вы видели то зло, которым полнится пространство меж звезд, и это сделало вас сильной. Он послал вас, так как у вас довольно силы, чтобы помочь мне совершить то, что необходимо.

- Я читал те книги, наблюдал за вашими ритуалами, молился, и я понял. Если я возьму тех, кого вы очистили, тех, кого омыли своей исповедью, то смогу отправить их души к Нему, пока они не замарали себя вновь. Они питают Бога-Императора, поддержат Его в битве со всем злом. Такова была моя

работа. – Галлин посмотрел на нее, и его руки быстро пришли в движение. Он убрал лазпистолет, но вытащил клинок, длинный и ужасно острый. – Наша работа.

– Наша работа, – повторила Лира. Ножом вроде этого он убил орка, но ярость внутри вызывала у нее желание проверить его прыть. «*Рано. Наверняка*».

– Знаю, это непросто понять, – сказал Галлин, отступая к Венну. – Вот почему я забрал его. Он работает на Натту, но нравится вам. Он не может быть так уж плох. Так позвольте мне показать вам. Исповедайте его, а я совершу свой ритуал. В свете его сожжения вы увидите истину, обещаю вам. Узрите Его в пламени.

Лира сдержала гнев и шевельнулась на табурете, медленно и аккуратно сдвигая одну руку.

– Он должен назвать свои грехи.

Галлин посмотрел на нее – настороженно, но с надеждой. Его нож мелькнул быстрым движением, и кляп упал с лица Венна. На щеке остался лишь крошечный порез, красная черта на коричневой коже: больно ровно настолько, чтобы пробудить от ступора. Может, Галлин и был безумен, но он был хорош.

– Преподобная матушка... – прохрипел Венн, но она вскинула руку, заставляя его умолкнуть. Вторая рука еще немного сместилась под рясой, взявшись за склянку с чистящим средством, которую она прикарманила.

– Не бойся, – сказала Лира. – Просто назови мне свои грехи.

– Грехи? Что? – запинаясь, проговорил Венн. Его глаза были широко раскрыты от страха и замешательства.

– Твои грехи, мальчишка! – Галлин раздраженно глянул на него сверху вниз. – Назови ей...

«*Сейчас*». Он отвлекся совсем чуть-чуть, но большего она не могла получить. Лира швырнула в Галлина склянку с чистящим растворителем. Нож рассек воздух и разнес сосуд, прежде чем тот успел попасть в цель. Очиститель брызнул на одеяние и кожу Галлина, и раздалось шипение: едкая, неразбавленная жидкость обожгла ему лицо. Тот двинулся вперед, не утратив от боли скорости, но он уже опоздал. За миг, потребовавшийся ему на отражение атаки, Лира успела метнуться с табурета. Она упала на пол и перекатилась. Бедро взвыло, но у нее не было времени мучиться. Рука сомкнулась на отброшенной Галлином трости, подхватив ее, и Лира встала перед противником.

Дедикант смотрел на нее, глаза за сталью клинка были печальны.

– Преподобная матушка. Не разочаровывайте меня. Не разочаровывайте *Его*. Вам не остановить Его волю.

– Дедикант. – Пальцы Лире сжались поверх резных святых на верхушке трости. Рельефные деревянные ножны щелкнули и соскользнули, оставив тонкую, блестящую полоску адамантия. Она повернула ручку трости, и по этой линии сверкающего металла с треском побежало силовое поле. Дойдя до острия, удерживаемого у самого пола, оно зашипело, и кусок скалобетона лопнул, рассыпавшись в пыль.

Лира крутанула силовую саблю в руке, переводя свое тело в выработанную за годы стойку, позволявшую ей сражаться, невзирая на бедро.

– Я остановлю тебя, и ты будешь страдать. Я говорю это именем Его.

- Преподобная матушка, - снова произнес Галлин, устремив взгляд на ее оружие, и обращение было в равной мере как мольбой, так и предостережением.

- Убийца. Еретик. Дезертир. - Она резко выбросила удар, и он едва не совершил ошибку, попытавшись заблокировать, но вывернул свой нож и убрал тот с дороги потрескивающего меча чуть раньше, чем окутывавшее изящный клинок поле успело переломить его. Вместо этого он отпрянул назад, стесненный недостатком места. - Глупец. Губитель праведных. Ты ничего не знаешь о Его замысле.

- Он говорил со мной! Он велел дать им освобождение! - Угроза, исходившая от силового поля меча, удерживала Галлина на расстоянии, однако он обходил Лиру, вертя ножом в воздухе и уклоняясь от ее выпадов.

- С тобой говорил только твой собственный страх, а все, что ты когда-либо давал, это смерть, боль и ужас. - Бедро Леры болело, она тяжело дышала. Ей уже давно не доводилось драться вот так, да и годы давили, но вера помогала. Сильно помогала. - Ему угодна их жизнь. Их труд, их молитва, их дела, а не рисунки их кровью на проклятой стене!

- Нет! - В отрицание была обернута злоба, и, ускользнув от следующего выпада, Галлин подался ближе и наотмашь ударил, метя ей в шею - слишком быстро, чтобы Лира смогла поставить блок. Однако в последний миг отвел атаку: острое клинка лишь царапнуло кожу, а не вспорол горло до кости. - Я творю Его работу! Я творю добро!

Она отодвинулась назад, за пределы его досягаемости. Слишком близко. Этому нужно было положить конец.

- Это не так. Ты пришел ко мне на исповедь, дедикант, и поведал о своих грехах. Теперь слушай мой приговор. Ты совершил грех кощунства, ереси, убийства и гордыни. Ты вообразил себя орудием Его воли, в то время как все содеянное тобой было противно Ему.

- Нет! - повторил он. Его лицо исказила мука, и пока он бросал ей в ответ свой протест, нож всего на секунду опустился. В этот момент Лира беззвучно произнесла молитву и ткнула мечом вперед. Галлин увернулся в сторону, но всего на волосок запоздал, и кромка поля соприкоснулась с его черной рясой.

Пропитавшаяся химией ткань зашипела и затрещала, а потом взорвалась пламенем. Огонь пронесся по клинку силовой сабли Леры, и та полыхнула перед ней, словно святое оружие, а облачение Галлина занялось и вспыхнуло. Дедикант выронил свой нож и завопил, молотя руками, чтобы сбить пламя, но оно с ревом накрыло его. Он взвыл и зашатался, врезаясь то в одну, то в другую стену, пока в конце концов не упал перед Лирой на колени. Его капюшон откинулся, и она увидела, как его глаза кипят в глазницах, пока он крутил головой, сиюсь отыскать ее.

- Преподобная матушка! - прохрипел он, и она занесла меч в руке.

- Ты согрешил против Него, Галлин, - произнесла она, и при взгляде на это жалкое, глупое создание, умиравшее перед ней, ее злость вдруг пропала. *«Ну почему наши величайшие прегрешения обязательно облакаются в то, что нам кажется добродетелью?»* - Теперь прими свою кару.

Ее рука обрушилась вниз, и она почти не почувствовала, как клинок прошел сквозь его шею.

- Следует ли мне рассказать Натте? - спросил Венн. Он находился у нее в кабинете, втирая мазь в

ссадины, оставленные веревками на запястьях и щиколотках. Лира сидела за столом, прислонив к себе трость.

- Расскажите, или не рассказывайте. Все кончено.

Она взяла чашку чая, остывавшего на уголке стола, и отпила. Это совсем не помогло смыть привкус горечи во рту. *«Еретик и убийца жил у меня под носом в доме Императора»*. И она ничего не заподозрила. Она выживает из ума на старости лет?

Венн отложил притирку.

- Спасибо, что спасли меня, преподобная матушка. - Несмотря на всю растрепанность, красные от дыма глаза и осунувшееся от боли лицо, он оставался красив.

- Только Император в силах по-настоящему кого-либо спасти.

Она посмотрела на свою трость и вспомнила все места, куда приходила, и тех людей, которым противостояла. Скольких она пыталась спасти, скольких убила, все во имя Него? Лишь Ему ведомо, каков баланс в этой приходской книге, и однажды... однажды она исповедается Ему и будет надеяться, что Он явит ей милосердие.

Венн встал.

- Я должен идти. Вы?..

Лира заставила себя улыбнуться.

- Я в порядке, пробатор-терциус. Ступайте, во свете Его.

Он кивнул и удалился, а она с трудом поднялась и подошла к окну. Увидела внизу его, шагающего в цветном свете витража. *«Сколько раз я должна смотреть, как горят виновные и невинные?»* Не задумываясь, Лира опустила руку и впилась ей в бедро, чтобы там вспыхнула боль.

Грех гордыни - так печься о себе. Этой ночью она отдала себя служению Ему и будет служить Ему впредь, чего бы Он от нее ни попросил.

Тяжело опираясь на трость, Лира развернулась и направилась к пустому святилищу, где преклонила колени, воняя дымом и смертью, и держала свою исповедь, пока солнце снова не взошло и не зажгло огонь в Его терпеливых стеклянных глазах.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Огненные_исповеди_/_Confessions_of_Fire_\(рассказ\)&oldid=17801](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Огненные_исповеди_/_Confessions_of_Fire_(рассказ)&oldid=17801)

Эта страница в последний раз была отредактирована 28 сентября 2021 в 22:48.